

Учитель Начальной

Музыкальная теория за выходные: сочиняем свою первую песню

Учитель Начальной

Музыкальная теория за выходные: сочиняем свою первую песню

https://litres.ru/74793199
SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите научиться понимать музыку и создавать собственные мелодии, но боитесь, что это под силу только избранным? Эта книга доказывает обратное: за два выходных вы освоите основы музыкальной теории и напишете свою первую песню. Автор ведёт читателя шаг за шагом: от понимания тональности и ступеней до построения аккордов, сочинения мелодии и подбора гармонии. Практические упражнения, понятные аналогии и чёткие алгоритмы превращают сложные концепции в доступные инструменты. Вы разберёте, как устроены популярные песни, научитесь чувствовать напряжение и разрешение в музыке, соберёте законченную композицию и запишете её на телефон. Книга подойдёт новичкам без музыкального образования: здесь нет сухой теории — только то, что реально пригодится в творчестве. Погрузитесь в мир музыки и откройте в себе автора уже в эти выходные.

Содержание

Глава 1. Пятница, 19:00. Почему у мелодии есть «пол» и «потолок» 4
Первый эксперимент: нота, которая ставит точку 6
Тональность: страна, в которой живёт мелодия 7
Ступени: семь жителей страны 9
Устой и неустой: почему одни ноты хочется продолжать, а другие — завершить 10
Что он только что узнал — в одну строку 12
Упражнение «Микрофон-машина»: пятиминутка перед сном 13
Крючок: восемь штрихов 15
Глава 2. Суббота, 10:00. Триадный день: как три ноты правят всем 17
Первые шаги: клавиатура как линейка 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Учитель Начальной Музыкальная теория за выходные: сочиняем свою первую песню

Глава 1. Пятница, 19:00. Почему у мелодии есть «пол» и «потолок»

Вечер пятницы. Он приходит домой, снимает обувь, и дом ещё не до конца затих — холодильник гудит, за стеной сосед смотрит телевизор. Денёк был длинным, и в голове всё ещё ворочаются недоделанные дела. Он устал. И именно поэтому сегодняшний вечер — идеальный: вся книга, которую он только что открыл, построена на простом обещании. Ему не понадобится ни консерватория, ни абсолютный слух, ни гитара, пылящаяся в шкафу с студенческих времён. Понадобится всего одно — время, которое и так уже потрачено на какие-то бесполезные вещи. Два выходных. Чуть больше часа за вечер.

Он устраивается поудобнее. Впереди — пятничный вечер, а это значит, что работать пока не придётся. Работать он начнёт завтра, в субботу утром. Сегодня — только слушать.

Вернее, слушать он будет то, что и так слышит каждый день, но делать это будет впервые — со знанием дела.

Первый эксперимент: нота, которая ставит точку

Автор предлагает ему простую вещь. Напевать — про себя или вслух, как получится — начало любой известной песни. «Yesterday» Битлз, «Happy Birthday», что угодно, что само всплывает в голове. Не всю песню — только первую фразу.

А теперь главное: заметить, на какой ноте он остановился.

Если напеть «Happy Birthday to you» и остановиться — станет слышно что-то странное. Последняя нота фразы не ощущается как случайная. Она звучит как точка в конце предложения. Пропойте любую фразу родной речи — «Я сегодня устал» — и интонация упадёт вниз, голосу хочется опуститься, выдохнуть, закончить. Мелодия делает то же самое. Она не блуждает где попало: в каждой фразе есть движение, у которого есть естественное завершение — место, где ухо само понимает: «всё, фраза закрыта».

Это не вопрос вкуса и не случайность. Это первый закон, с которым он сегодня познакомится, и, возможно, самый важный из всех, что встретятся ему за выходные.

Тональность: страна, в которой живёт мелодия

Начнём со слова, которое пугает больше, чем заслуживает: тональность.

Представьте, что мелодия — это рассказ. И этот рассказ происходит не в вакууме, а в конкретном месте. Тональность — это страна, в которой живёт мелодия. У этой страны есть столица — центральная нота, к которой всё тяготеет и вокруг которой всё вращается. У неё есть законы, по которым ноты узнают друг друга. И у неё есть границы: если рассказчик вдруг перескочит в соседнюю страну, слушатель это мгновенно почувствует — как мы чувствуем, когда собеседник посреди фразы переходит на другой язык.

Что важно понять сразу: тональность — это не «уровень», не «выше или ниже». Это не про высоту звука, а про отношения между звуками. Двенадцать нот, из которых состоит вся музыка мира, — это как двенадцать букв в фантастическом алфавите. Тональность выбирает из них семь и говорит: эти — свои, они здесь дома. Остальные пять — «иностранцы», их появления редки и всегда звучат как событие.

Но откуда берутся эти семь? Почему именно семь, а не шесть или девять? Ответ — в физике звука, и он на удивление красив.

Если взять ноту и её же, но октавой выше — ту же ноту, «клон», только выше, — и разделить расстояние между ними на двенадцать равных ступеней, получится хроматическая гамма, все двенадцать нот. Это ровное, безликое поле. Но человеческое ухо, миллионами лет evolved в природе, где звуки рождаются из колебаний струн и трубок, любит не равные расстояния, а отношения простых чисел. Интонации, которые легко спеть и легко запомнить, — это те, где частоты соотносятся просто. Поэтому из двенадциатки слух веками отбирает семь «любимчиков» — они и образуют мажорную гамму, ту самую, которую все мы знаем как «до-ре-ми-фа-соль-ля-си».

Он может не запоминать частоты и законы. Ему достаточно одного: тональность — это выбранная семь нот плюс общее ощущение, что одна из них главнее остальных. Главная нота называется тоникой. Она — столица страны. И когда мелодия заканчивается, она почти всегда возвращается именно к тонике — домой.

Ступени: семь жителей страны

Теперь у этих семи нот появятся имена. Не «до, ре, ми» — запоминать их по буквам не обязательно, да и не нужно для того, о чём пойдёт речь в этой книге. Вместо этого ноты в тональности нумеруют. Первая — тоника, вторая — над ней, третья — над второй, и так далее. Каждую называют ступенью.

Почему «ступень»? Потому что мелодия, если смотреть на неё с высоты птичьего полёта, — это лестница. Она поднимается и опускается по ступеням. И эти ступени — не одинаковые. Некоторые из них — опоры: на них можно стоять спокойно, они не просят продолжения. Другие — словно неровные порожки: стоит на них остановиться, и внутри возникает лёгкое, почти физическое желание двинуться дальше.

Семь жителей страны — это семь характеров. И главный водораздел между ними проходит вот здесь.

Устой и неустой: почему одни ноты хочется продолжать, а другие — завершить

Вот он — самый важный термин этого вечера, и тот, который объясняет почти всё, что мы слышим в музыке.

Устой — это нота, на которой можно остановиться и не испытывать дискомфорта. Она завершена. Она дом. Тоника — главный устой, столица.

Неустой — это нота, которая требует продолжения. Она словно вопрос. Остановись на неустое, и ухо само потянется к следующей ноте, к разрешению. Это не метафора и не гипербола — это то, что происходит в теле любого слушателя, знакомого с музыкой его культуры. Даже у того, кто никогда не учился музыке, неустой вызывает еле заметное напряжение, а разрешение — едва уловимое облегчение. Именно на этом микроцикле «напряжение → разрешение» построена вся музыка, которую он когда-либо любил.

Проще всего это почувствовать в речи — и автор предлагает именно такую аналогию, потому что она точнее всяких определений.

Мелодия — это предложения. У предложения есть интонация: где-то голос падает вниз, закрывая мысль (как в утверждении «Сегодня хорошая погода»), где-то поднима-

ется вверх, оставляя смысл в подвешенном состоянии (как в вопросе «Ты придёшь?»). Мелодия делает ровно то же самое, только не словами, а нотами. Устой — это падающая интонация, точка. Неустой — это восходящая интонация, запятая или вопросительный знак.

И если посмотреть на любую песню, которая ему нравится, сквозь эту призму, окажется, что она вся соткана из таких «предложений»: фраза поднимается, вопрос повисает в воздухе — и затем опускается, разрешаясь. Это не совпадение и не трюк композитора. Это фундаментальная логика того, как человеческое ухо понимает музыку. Слушатель запоминает не ноты, а отношения между ними. Нота сама по себе — просто звук. Нота в тональности — уже слово. Последовательность устоев и неустоёв — уже рассказ.

Именно поэтому две разные мелодии в одной тональности звучат как «родственники», а одна и та же мелодия, перенесённая из одной тональности в другую, остаётся той же самой песней. Он наверняка замечал это: песню, спетую на полтона выше, всё равно узнаёшь. Потому что изменился не рассказ — изменилась лишь страна, в которой его рассказывают.

Что он только что узнал — в одну строку

Стоит остановиться и зафиксировать, потому что всё дальнейшее будет опираться на эти три вещи.

Тональность — страна, в которой живёт мелодия, семь «своих» нот и одна главная.

Ступени — номера нот в этой стране; у каждой свой характер.

Устой и неустой — различие между нотами, на которых можно остановиться, и нотами, которые тянут мелодию дальше.

Пусть он не пугается, если что-то пока звучит абстрактно. К субботе утром всё это превратится в звуки, которые он будет строить собственными руками. Пока — это карта местности. А карты читают, даже не выходя из дома.

Упражнение «Микрофон-машина»: пятиминутка перед сном

Прежде чем закрыть главу, есть минутное упражнение — оно не требует ни инструмента, ни нот, ни особых условий. Только ушей и пяти минут.

Он включает любую песню, которую любит. Можно по радио, можно из плейлиста. И пытается услышать в мелодии три вещи.

Первое — направление. Куда мелодия движется в данный момент? Она тянется вверх — тогда в теле возникает ощущение подъёма, ожидания. Она опускается — тогда расслабляется, выдыхает. Или она стоит на месте, повторяя один и тот же звук — тогда она словно набирает воздух перед прыжком. Три состояния: вверх, вниз, на месте. Всё. Он наверняка обнаружит, что почти любая запоминающаяся мелодия — это чередование этих трёх движений, из которых ни одно не длится слишком долго.

Второе — шаги и прыжки. Мелодия передвигается между нотами двумя способами. Шаг — переход на соседнюю ступень, плавно, без разрыва. Прыжок — перескок через несколько ступеней, более заметный и более звучный. Хорошая мелодия, как правило, сочетает и то и другое: шаги для движения, прыжки для акцентов. Спеть самому простую

песню, которую он знает наизусть, и постараться услышать, где она идёт шагами, а где делает прыжки — вот и вся задача.

Третье — где мелодия дышит. В любой мелодии есть паузы — места, где звук затихает и пространство наполняется дыханием. Он почти наверняка слышал их тысячи раз, но теперь попробует заметить их сознательно. Паузы — не пустота. Паузы — это то, что даёт мелодии форму, как пробелы дают форму тексту. Песня без пауз — это речь без запятых: невозможно слушать.

Пять минут. Потом можно ложиться спать.

Крючок: восемь штрихов

А теперь — то, ради чего стоило дочитать главу до конца.

Оказывается, почти вся мировая поп-музыка последнего века — от джаза пятидесятых до песен, которые сегодня крутят на радио, — укладывается в восемь штрихов. Не в восемьдесят и не в восемь тысяч. В восемь.

Речь идёт о последовательностях аккордов — о том, как одна гармония сменяет другую. Оказывается, есть всего несколько типовых «маршрутов», по которым ходит гармония в подавляющем большинстве хитов. Пятьдесят лет подряд композиторы, сами того не подозревая, ходят одними и теми же тропами — и миллиарды слушателей узнают в них что-то родное, потому что человеческое ухо, в сущности, любит одни и те же истории о «выходе из дома» и «возвращении домой».

И вот его задание на завтра. Утром субботы — взять лист бумаги и написать эти восемь штрихов от руки. А потом сделать одну вещь, от которой может закружиться голова: «сыграть» пальцами по столу один из этих маршрутов — не мелодию, просто ритм смены гармоний, стук по столешнице — и попросить друга опознать, какая это песня.

Есть немалая вероятность, что друг опознает. Не одну — десятки. Потому что за этим стуком по столу стоит не случайность, а устройство человеческой памяти о музыке.

И вот вопрос, с которым он пойдёт спать, а проснётся с ним же утром:

Если музыка так устроена — если за ней стоит не магия, а несколько простых законов, которые можно выучить за выходные, — то что мешает писать её самому?

Ответ: ничего.

Кроме понимания этих законов. Ими он и займётся — завтра, в десять утра, когда впервые построит аккорд собственными руками.

Спокойной ночи.

Глава 2. Суббота, 10:00. Триадный день: как три ноты правят всем

Утро субботы. Кофе, тишина, свет через шторы. Ночью он засыпал со странным ощущением — будто за спиной осталась дверь, в которую он никогда не заглядывал, а сегодня утром эта дверь распахнута. Восемь штрихов на бумажке лежат на столе, рядом с кофейной чашкой. Эксперимент с другом он пока отложил — день только начался, а самое интересное ждёт впереди. Весь сегодняшний рабочий блок книги укладывается в одну фразу, которую автор ставит в самое начало главы: сегодня он научится строить аккорды. Не играть по чужим схемам — строить. С нуля. Собственными руками.

Для этого не нужна гитара. Не нужен синтезатор. Подойдёт клавиатура — настоящая или виртуальная, в любом бесплатном приложении на телефоне. Двенадцать белых и чёрных клавиш — это всё, что ему понадобится на ближайшие два часа.

Первые шаги: клавиатура как линейка

Сначала — один вечер пятничного знания, перенесённый на реальный инструмент.

Клавиатура — это не россыпь случайных кнопок. Это линейка, на которой размечены все двенадцать нот, и расстояние между соседними клавишами всегда одинаково — один полутон, самый маленький шаг в музыке. Двенадцать полутонов подряд — октава. После неё всё повторяется: ноты становятся выше, но остаются «теми же самыми», потому что их отношения друг с другом не меняются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.